

УДК 159.9.316.6

АКЦЕНТУИРОВАННОЕ ПОЛОРОЛЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ НОРМА: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ

С.А. Филиппова

Тульский государственный педагогический университет

им. Л.Н. Толстого

пр-т Ленина 125, 300026, Тула, Россия

filippovasa@tsput.ru

Аннотация. В статье представлен обзор некоторых феноменов социальной жизни современной женщины. Делается акцент на особенностях профессиональной самореализации женщин-ученых. Проводятся параллели между стереотипными образами современной женственности и проявляющими себя на границе нормы акцентуированными моделями полоролевого поведения.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, полоролевое поведение, акцентуации.

ACCENTUATED OF FEMALE ROLE BEHAVIOR AS IDEOLOGICAL STANDART: PROBLEMS AND RISKS

S.A. Filippova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Lenin Avenue 125, 300026, Tula, Russia

Annotation. The article provides an overview of some phenomena of the social life of a modern woman. Emphasis is placed on the peculiarities of professional self-realization of women scientists. Parallels are drawn between stereotypical images of modern femininity and accentuated models of female role behavior that manifest at the border of the norm.

Keywords: gender stereotypes, female role behavior, accentuations.

Современное динамично развивающееся общество открывает широкие перспективы для развития человека в личностном, профессиональном, социальном планах. Тенденции гуманизации, демократизации, персонификации в образовании, правовой и профессиональной сферах позволяют сглаживать различия между представителями разных социальных групп, полов, возрастов и пр. Вместе с тем, это развитие не лишено противоречий, обусловленных проявлениями национального менталитета, национальной культуры, стереотипами, социальными ожиданиями на микро- и макроуровнях. В ряду причин, препятствующих развитию

профессиональной карьеры, выделяется группа причин, связанных с гендерными стереотипами и предрассудками, причем во многих культурах, эти причины ограничивают профессиональное становление именно женщин.

Можно составить длинный список женщин, чей вклад в науку долгое время оставался в тени: Джин Парди, работавшая в команде эмбриологов – разработчиков технологии экстракорпорального оплодотворения, приматолог Джейн Гудолл, нейробиолог Кендис Перт, геологи Наталия Сарсадских и Лариса Попугаева. Еще больший список составят те, кто с большим трудом прокладывал себе путь не только к науке, но и к образованию. Мы никогда не узнаем о тех, чей потенциал на порядок превышал возможности его реализации в конкретный исторический период.

Современный общественно-исторический период, в целом, не ограничивает ни профессиональное становление, ни профессиональную карьеру женщин. Статистика прогнозирует достижение равного соотношения полов в науке [8]. Тем не менее, количественные показатели не отражают показатели статусные, и гендерный дисбаланс в профессиональной сфере сохраняется.

Так, исследование Г.Ф. Беляевой, И.Д. Горшковой, И.В. Костиковой, проведенное среди женщин-сотрудников МГУ им. Л.Н. Ломоносова, выявило следующие аспекты восприятия более высокого профессионального статуса мужчин в МГУ: «...Все содержательные ответы могут быть сгруппированы следующим образом (%):

Причины – различия между полами, обусловленные природой (у мужчин лучше развито абстрактное мышление, они умнее, способнее, более целеустремленные, они должны руководить) (16%);

Причины, связанные с полом (дискриминация женщин, неравенство, менталитет общества, патриархальная традиция, «двойная занятость») (12%);

Причины, свойственные МГУ (политика руководства, коллегиальность мужчин, женщины работают, а мужчины представляют) (2%)» [4; с. 182].

Автобиографические сведения показывают, что даже современным женщинам-ученым приходится сталкиваться с предрассудками, стереотипами, построение карьеры осложняется «двойной» занятостью женщины. Так, в недавнем интервью сетевому изданию «Настоящее время» биолог Елена Аточина-Вассерман говорит: «Есть такая шутка, что женщина в науке, как морская свинка: и не свинка, и не морская. Женщинам очень тяжело, мало того, что ты соревнуешься с мужчинами на равных, ты еще рожашь и воспитываешь детей и так далее. У меня трое детей, и я знаю, что это такое – работать беременной до самых родов, родить, а потом оставить ребенка дома и почти тут же выйти на работу, и так три раза подряд. Это

тяжело, и никто тебе здесь не дает послабления, ты должна быть наравне с мужчинами. Путь женщины в науке намного сложнее, чем путь мужчины в науке» [5].

Развитие человека как представителя социума оценивается через категории нормы: статистическую, функциональную, индивидуальную, идеологическую. Нормативные оценки затрагивают все аспекты психического развития человека (физический, когнитивный, личностный, социальный), они описывают ожидания от поведения и деятельности человека в внутриличностной, межличностной, семейной, профессиональной сферах. При этом нормативные составляющие могут принципиально конкурировать друг с другом, что очень часто происходит в вопросах, касающихся полоролевого поведения женщин в современном обществе. Так, содержание индивидуальной и функциональной нормы – собственных ценностей, возможностей, предпочтений женщины, может конфликтовать с содержанием статистической и идеологической нормы – ценностями большинства, представлениями о том, как должно быть, транслируемыми общественным мнением, идеологией, объектами культуры, средствами массовой информации.

В пространстве консультант-клиентского психологического взаимодействия этот конфликт предьявляется в форме «мне уже ... лет, а я все еще не замужем.., без постоянного партнера.., без детей...»). Отсутствие желания к достижению перечисленных аспектов жизни, приоритет других ценностей (здоровья, карьеры, широких социальных интересов) – как правило, довольно быстро выносятся в фокус внимания таких клиенток, но при этом, с их собственными ценностями и установками не перестают конкурировать интроецированные долженствования, порождающие запрос: «как заставить себя этого хотеть», потому что «возраст.., родители ждут внуков.., все подружки уже замужем...». Нередки случаи обращения за помощью и среди тех, кто реализовал социально-одобряемый сценарий, руководствуясь внешними мотивами, будучи психологически неготовой к браку и материнству, что влечет разочарование в браке, вину за неспособность выполнять семейные роли, за нежелание тратить ресурсы собственной жизни на семью, мужа, ребенка.

При всех прогрессивных взглядах на равенство полов в профессиональной сфере, взгляды на распределение ролей в семье, соотношение родительского вклада – мало изменились за последние несколько сотен лет: женщина по-прежнему считается образующим центром семьи, несущим основную ответственность за выращивание и воспитание потомства. Это и задает двойные стандарты, предписывающие с одной стороны – достижение успеха в социальном пространстве, с другой –

полноценную реализацию биологических программ родительского поведения. Что, в свою очередь, вызывает ролевой конфликт, озвученный в целом ряде исследований. Белорусский социолог А. Шадрина, проводя многолетнее исследование феномена материнства показывает, что политический и социально-экономический контексты жизни современной женщины меняются гораздо быстрее, чем идеологическое представление о ее «предназначении»: на плечи женщины, помимо профессиональной самореализации, ложится «естественная» ответственность за семейный быт, уход за детьми [10]. «Невидимый» женский труд воспринимается как нечто само собой разумеющееся и не обременительное. Вместе с тем, состояние ролевого внутриличностного конфликта уже многие годы является привычным для работающих замужних женщин, имеющих детей [2]. Медсестра, врач-диагност, диетолог, повар, педагог, психолог, инструктор по физкультуре, аниматор, медиатор – краткий перечень профессий, компетенции которых должна освоить женщина за первые несколько лет жизни ребенка, развивающегося в пределах нормы. Опыт консультативной работы показывает, что конфликт между семейными и профессиональными ролями осознается женщинами не всегда. Подобные проблемы в общем виде формулируются «я зарабатываю меньше мужа, поэтому вся домашняя работа и воспитание детей на мне, при этом, я почему-то устаю и у меня постоянный стресс, ничего не успеваю и ничто не радует». При этом простая калькуляция: заработная плата женщины + экономия на услугах няни, репетитора, доставке готовой еды, клининговой службе и пр. – показывает, что полученная сумма вполне сопоставима, а иногда и превышает материальный вклад супруга в семейную жизнь.

Социум в лице родственников и специалистов различных учреждений является инстанцией, контролирующей выполнение женщинами их функций, формирующей долженствование и предписания о том, как «должно быть женщиной, матерью, супругой». Информационная среда, ориентированная на женщин как целевую аудиторию, задает ориентиры и дополнительную нагруженность образами «идеальной» женской роли: женщина должна быть замужем, не должна разводиться, иметь детей (желательно несколько), демонстрировать стереотипные гендерно-ассоциированные личностные качества (просоциальность, терпимость, скромность), при этом приветствуется наличие профессиональных достижений, но не карьеризм в ущерб семье.

Ориентиры на семейные ценности вполне обоснованно поддерживаются на уровне государственной политики, поскольку являются инструментом демографического развития. При этом процессы

демографического развития также не лишены внутренних противоречий как социального, так и психологического порядка.

Исследования на тему семейного насилия показывают, что сама внутрисемейная среда зачастую является физически, социально и психологически небезопасной. Так, исследование И.П. Артюхова, Ю.Г. Гарбер показывает «... сложную динамику в соотношении насилие-беременность. При определенных обстоятельствах беременность может быть отягощающим фактором, при других обстоятельствах – защитным» в отношении проявлений семейного насилия. То есть, сам факт беременности отнюдь не избавляет семью от проблем, а в целом ряде случаев – является фактором риска семейного насилия в отношении женщины. Также «...исследование показало, что по мере развития беременности триада отношений семья-муж-жена сменяется тетрадой с включением домашнего насилия. Другими словами маховик агрессии со стороны супруга набирает обороты по мере увеличения гестационного возраста, причиняя дополнительные страдания женщине, даже если у нее беременность имеет отклонения от нормы...» [3].

В другом исследовании, также посвященном проблеме семейного насилия, (Мильшин А.О., 2010) показано: «... показатель замужества положительно коррелирует с психологическим (критика) и экономическими видами насилия. А наличие детей связано с экономическим и физическим насилием, унижением и изоляцией в собственной семье...» [7; с. 72].

Таким образом, некритичное, идеалистическое выдвигание образа семьи, замужества, беременности как способа саморазрешения всех жизненных трудностей индивида – является необоснованным и, зачастую, опасным. Слепое следование лозунгу «для женщины важнее всего семья» – сопряжено с целым рядом рисков.

Безусловно, существуют факторы риска возникновения семейного насилия, профилактика которых позволяет эти риски снижать. К ним, в частности, относятся уровень образования супругов, социально-экономический статус семьи, степень экономической независимости супругов друг от друга, психологическое благополучие супругов и пр. Поддержанию же актов насилия в семье способствуют социальные, экономические, жилищный, психологический факторы.

По результатам проведенного А.С. Зубрицкой исследования показатели социального статуса у женщин, подвергшихся домашнему насилию, оказались такими: неработающие – 31,9 %; служащие (средний и неквалифицированный персонал) – 27,3 %; работники сферы обслуживания – 15,2 %; пенсионеры – 6,7 %; специалисты (врачи, инженеры, педагоги) – 6,2 %; учащиеся – 4,2 %; предприниматели и лица, занимающие руководящие

должности, – 3,2 %; военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов – 3,3 %; инвалиды – 2,1 %; научные работники – 1,7 %. [6; с. 79]

Таким образом, исследование показало, что практически половина женщин, пострадавших от семейного насилия – это группа риска в отношении показателей социально-экономического благополучия (неработающие, неквалифицированный персонал). Данные риски формируют, очевидно, финансовая несамостоятельность, жилищные затруднения.

Эта картина подводит нас к вопросу о психологическом портрете женщин, составляющих группу риска в отношении семейного неблагополучия.

В этой связи стоит обратиться к стереотипным образам женщины в современной культуре. В разное время в разных обществах существовали и продолжают существовать стереотипы маскулинности, феминности, и связанные с ними модели ролевого поведения мужчин и женщин. Культура транслирует нам несколько позитивных образов современной женственности. Первый – традиционный, в котором, женщина – хранительница домашнего очага, заботливая супруга и мать, скромная, добрая, ориентированная на удовлетворение потребностей других. Второй образ – это объективированный образ женской внешности с акцентом на гламурную красоту, внешнюю привлекательность, сексуальность. Третий – образ современной, успешной, самодостаточной женщины, умело совмещающей профессиональные и семейные роли – бизнес-вумен, успешный специалист, ученый. Строгое соответствие каждому образу предполагает реализацию определенной модели полоролевого поведения, с присущими ей личностными и поведенческими моментами, что, по сути, представляет собой акцентуированное полоролевое поведение. Концепция акцентуаций полоролевого поведения с типологией представлена Б.Е. Алексеевым. В связи с обсуждаемым вопросом стоит озвучить гиперролевое поведение (гиперфеминную акцентуацию у женщин) и кроссполовую акцентуацию у женщин.

Как и любая утрированная ригидная модель – любая модель женственности неадаптивна в реальных условиях. Наличие акцентуаций снижает диапазон реагирования индивида на стимулы внешней среды. К группе риска стоит отнести гиперфеминную акцентуацию, как предрасполагающую к виктимному поведению. Гиперфеминные девушки неамбициозны, не заинтересованы в независимости и построении карьеры, ведомы, ориентированы на замужество как способ самореализации. Основные риски социальной адаптации таких женщин связаны с низким уровнем социальных притязаний, отсутствием профессиональных и

карьерных амбиций, потребности в социальной самореализации. Тем не менее, подобные черты в характере и поведении девочек положительно оцениваются родителями и педагогами как проявления «настоящей женственности». По вполне понятным причинам такая акцентуация не ассоциирована ни с профессиональной, а тем более научной карьерой, ни с успехом социальной реализации как таковой. Гипефеминная акцентуация вполне удовлетворяет стереотипу традиционной женственности с приоритетом семейных над социальными ролями, покладистостью и скромностью. Культивирование этих черт, очевидно, создает риски снижения социального статуса и повышения виктимности женщины.

Что касается образа успешной бизнес-вумен, с ним вполне увязывается образ современной женщины-ученого, а также кроссполовая акцентуация полоролевого поведения: характерны высокая социальная активность, ориентация на профессиональный рост и карьерные достижения, умение проявлять настойчивость и твердость характера. И, вместе с тем, ассоциированными являются ролевой конфликт, стресс в связи с «двойной» занятостью, трудности, связанные с преодолением социальных стереотипов, трудности построения партнерских отношений.

Очевидно, что успешная социальная адаптация возможна в любой роли, будь то роль домохозяйки или ученого, – при условии наличия способности гибко адаптироваться к изменениям среды, проявлять широкий диапазон поведенческих реакций. И наоборот, приобретение и культивирование статичных, неизменных во времени черт и реакций – возможности адаптации снижает.

Воспитание человека в духе подражания любым эталонам, следование любым моделям, даже самым социально-приемлемым и на вид жизнеспособным, – уводит человека с пути самоактуализации. Игнорирование формирования ригидных черт, поскольку они напоминают идеализированные образцы, отсутствие компенсирующей психологической коррекции акцентуированного поведения – в перспективе негативно сказывается на социальном и психологическом благополучии личности.

Библиографические ссылки

1. Алексеев Б. Е. Полоролевое поведение и его акцентуации. СПб: Речь, 2006. 144 с.
2. Алешина Ю.Е., Лекторская Е.В. Ролевой конфликт работающей женщины // Вопросы психологии. 1989. №5. С. 80-88.
3. Артюхов И. П., Гарбер Ю. Г. Социально-гигиенический портрет женщины, страдающей от домашнего насилия // Сибирское медицинское обозрение. 2009. №1. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-gigienicheskiy-portret-zhenschiny-stradayuschey-ot-domashnego-nasiliya> (дата обращения: 08.02.2021).

4. Беляева Г.Ф., Горшкова И.Д., Костикова И.В. Университетские женщины. Штрихи к портрету // *Общественные науки и современность*. 2000. № 2. с. 178-187.

5. Борисова-Сале А. Можно прожить несколько жизней: женщины-ученые о своих исследованиях, детских мечтах и умении не сдаваться // Сетевое издание «Настоящее время» Дата выхода материала: 11.02.2021. Режим доступа: https://www.currenttime.tv/a/zhenshiny-v-nauke/31097118.html?fbclid=IwAR21ZPbKhreM36IyjanQDCbcaa4AA7a0uBkcDgnw2MIKrNtnH3RmXqh2n_c (Дата обращения 13.02.2021).

6. Зубрицкая А. С. Особенности психологической помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия // *Вестник ТГЭУ*. 2009. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-psihologicheskoy-pomoschi-zhenschinam-postradavshim-ot-domashnego-nasiliya> (дата обращения: 08.02.2021).

7. Мильшин А.О. Проблемы женщин, переживающих домашнее насилие // *Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса*. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-zhenschin-perezvivayuschih-domashnee-nasilie> (дата обращения: 08.02.2021).

8. Мирская Е.З., Мартынова Е.А. Женщины в науке // *Вестник Российской академии наук*. 1993. Т. 63. № 8. С. 698.

9. Филиппова С.А. Акцентуации полоролевого поведения у дошкольников: профилактика социально-психологической дезадаптации // *Pedagogical importance of scientific and practical innovations in the development of preschool education / International scientific-practical conference, November 11-12. 2020. Samarkand, Uzbekistan*. P.11-17.

10. Шадрина А. Дорогие дети. Сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. Изд-во: Новое литературное обозрение. 2017. 370 с.